

УДК 327
ББК 66.4(0)

Политика памяти в Европейском союзе: в поисках общих ориентиров

И.С. Семененко

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия)

Memory Politics in the European Union: in Search for Common Landmarks

I.S. Semenenko

Primakov National Research Institute of World Economy and International
Relations RAS (Moscow, Russia)

Анализируются причины актуализации и исследовательская повестка дня политики памяти в странах Евросоюза. Рассматриваются механизмы и инструменты политики памяти, которые используются на уровне ЕС для формирования европейской идентичности, возможные перспективные формы и новые практики репрезентации общего прошлого в публичном пространстве (такие как музейная экспозиция Дома европейской истории в Брюсселе). Выявлены новые приоритеты политики памяти и дана оценка трудностей и системных препятствий, которые встают на пути укрепления европейской солидарности и идентичности в условиях острейшего кризиса 2020 г., связанного с распространением пандемии. Обоснован вывод о выдвигании национальных и региональных моделей политики памяти на передний край политики идентичности в странах ЕС. Исследование построено на анализе дискурсов, отражающих меняющуюся повестку дня и практики реализации политики памяти, направленной на поддержание общего европейского политического пространства, в том числе на использование образа России как чуждого Другого. Эмпирические данные собраны и обобщены автором по итогам изучения новых выставочных пространств и мест памяти, представляющих историю и современное состояние европейского интеграционного проекта, а также анализа контента цифровых платформ и экспертных аналитических материалов, посвященных реализации культурных и образовательных проектов под эгидой ЕС.

Ключевые слова: политика идентичности, политика памяти, европейская идентичность, кризис идентичности, общие ценности, национальное государство, трудное прошлое, Европейский союз, Европа, Россия.

The article evaluates the reasons behind the surge of interest in memory politics in EU countries in the last decade. The author analyses the current memory studies agenda, the mechanisms and instruments proposed for use at EU level to promote a common European identity, and the practices of representing a shared European past in public spaces that have emerged over the last few years (such as the permanent exhibition of House of European History in Brussels). The evaluation of new priorities on the memory politics agenda can help shed light on the difficulties and threats to further promote European solidarity based on a common memory, especially having in mind the drastic consequences of the 2020 pandemic crisis. One can foresee the advancement of national and regional models of memory politics to the frontline of identity politics in Europe. The research is based on the analysis of discourses reflecting the changing memory politics agenda aimed at consolidating a common European space where Russia is considered as the alien Other. Empirical data was collected by the author during her visits to European museums and memory sites representing the history and the current state of the European integration project. This was complemented by the analysis of digital library and archive resources and expert reports dedicated to memory politics and identity policies in the EU.

Key words: identity politics/policies, memory politics, European identity, identity crisis, common values, nation state, difficult past, the European Union, Europe, Russia.

DOI 10.14258/izvasu(2020)6-10

Память выдвинулась сегодня на передний край политики идентичности. Внимание к проблемам исторической памяти растет в самых разных уголках мира, но особенно явственно – там, где в XX в. радикально менялись политические режимы, в странах с недавним трудным прошлым. Отношение к прошлому явственно выстраивает воображаемые границы поверх реальных границ национальных государств и интеграционных объединений.

Невольно задаешься вопросом: почему взрыв интереса к осмыслению недавнего трудного социального и политического опыта произошел именно в последние годы? Почему трудная память стала полем ожесточенных идейно-политических противостояний в самих переживших этот опыт обществах и в межгосударственных отношениях, а войны памяти, основанные на взаимном оспаривании видения прошлого участниками противостояний – реалиями XXI в., беспрецедентно богатого на информацию, на доступные документальные исторические свидетельства? Почему самые острые споры касаются осмысления политического наследия европейских стран и его значения для них самих и для остального мира?

Метаморфозы исторической науки привели к росту популярности в последние годы таких нетрадиционных предметных полей исторического знания, как интеллектуальная, публичная и региональная история (см., например: [1–4]). Вслед за динамично возрастающим на протяжении второй половины прошлого века интересом к истории идей и социальных движений стало быстро расти внимание к устной истории и истории повседневности как ключевым источникам формирования представлений о прошлом. В эпицентре политической истории оказались исследования нарративов памяти, феномена коллективной памяти и механизмов ее репрезентации в публичном пространстве (*memory studies*) [5] (см. также [6]).

В современной Европе трактовки прошлого стали интегральной частью текущего политического курса. На наш взгляд, тому есть несколько причин. В числе наиболее очевидных стоит отметить в первую очередь произошедшую естественную смену поколений. В активную социальную жизнь пришла молодежь, не соприкасавшаяся в своем личном опыте с трудным прошлым XX в., в то время как носители памяти о фашизме, войне, Холокосте, об империях и колониальном наследии уходят... Прерывается естественная связь между носителями памяти и их потомками, которая поддерживалась в течение послевоенного полувека.

Кризис идентичности, переживаемый индивидом в «индивидуализированном обществе», ставшем «обществом риска» [7] (см. также [8]), способствовал имплицитному включению «права на идентич-

ность» в число основных прав человека. В поисках ориентиров идентичности, которые стимулирует кризис, важное место занимает личный опыт соприкосновения с историей. В этих условиях память как обращение к прошлому, построенное на личном переживании не пережитых событий, стала объектом целенаправленной политики идентичности. При этом память локальна и имеет темпоральное измерение, она строится на соотношении с конкретным местом, временем, событием. В глобализирующемся мире устойчивые ориентиры стали размываться под влиянием захлестывающих индивида информационных потоков. На индивидуальном уровне такое обезличивание памяти стимулировало рост интереса к семейной и локальной истории как значимым ориентирам самоидентификации.

В европейском массовом сознании в контексте понижения порога угроз безопасности и рисков размывания идентичности, связанных с процессами глобализации, во втором десятилетии нового века произошел мощный выплеск националистических настроений. В странах, объединившихся в общем интеграционном проекте Евросоюза, стала расти популярность сторонников суверенизма – притязаний на защиту национального суверенитета от издержек глобализации и интеграции. Брекзит и укрепление позиций популистских сил свидетельствуют о реверсивном движении маятника глобализации: поиски новых моделей управляемости современными обществами призваны скомпенсировать новые риски, появляющиеся в глобальном мире. В этом видится веская причина обращения к коллективной памяти как источнику политической мобилизации. К ней апеллируют не только популисты, но и правящие круги, в общей памяти видят средство политической поддержки в условиях размывания идейных ориентиров традиционных партий и движений – сторонников европейского интеграционного проекта.

Изменение структуры миропорядка после распада СССР и социалистической системы привело к пересмотру понимания пространственной конфигурации Европы. Сегодня в научном дискурсе вопрос о разведении «Европы» и Европейского союза требует дополнительных уточнений, по умолчанию под Европой понимаются страны ЕС и примыкающие к Евросоюзу государства, включенные в общеевропейское экономическое пространство. Споры о месте России и вписывании ее трудной истории в общеевропейский контекст – это отдельный вопрос в повестке дня политики памяти бывших союзников СССР и во взаимоотношениях России и стран Евросоюза. Нынешний подход ЕС основан на избирательном взаимодействии (*selective engagement*) с Россией в условиях их «тесной взаимозависимости» при существующих глубоких разногласиях [9].

Разногласия выражаются, в том числе, в утверждении разных исторических нарративов о знаковых событиях XX в., в которых Россия и ее соседи по континенту выступали и как союзники, и как противники. Речь идет в первую очередь о Второй мировой войне и о советском политическом и культурном наследии как части европейской истории. Битвы нарративов и принципиальные расхождения в трактовках опыта недавнего исторического прошлого усугубляют расхождения между рядом стран-членов ЕС, активно переписывающих историю Второй мировой войны, и Россией. Это обстоятельство углубляет линии размежевания между Россией и «единой Европой», разводя культурно-цивилизационную и политическую конфигурации общеевропейского пространства памяти.

Политика памяти активно используется как инструмент национально-государственного строительства во всех без исключения странах, в которых по итогам распада СССР и советского блока произошла смена политического режима и радикальная трансформация экономической системы [10–12]. Она рассматривается как скрепа национальной государственности, в основании которой – конструирование общего понимания прошлого и общего видения национальной идентичности. При этом долговременные цели консолидации нации имплицитно подменяются задачами государственного строительства именно в контексте активной политики памяти.

Вопрос об ориентирах общей памяти о недавнем прошлом оказывается важным пунктом повестки дня европейского строительства. Не затихает дискуссия о контурах, ориентирах и перспективах формирования европейской идентичности (см.: [13–18]). Предпринимаются попытки измерения «градуса» идентификации с Европой даже на индивидуальном уровне, применительно к позиции конкретного гражданина [19]. Трудности европейского проекта последних лет связаны с регулированием миграционного притока и пересмотром приоритетов социальной политики под влиянием растущего культурного разнообразия, всплеск сепаратизма на уровне регионов, разногласий вокруг текущих проблем экономического регулирования и кризиса суверенного долга в ряде стран, наконец, событий, вызванных острой санитарно-эпидемиологической ситуацией. В этих условиях появляющиеся трещины в европейской солидарности в долговременной перспективе могут быть отчасти компенсированы продвижением на знаковых направлениях, в первую очередь в сфере экономического регулирования и поддержки самых уязвимых членов, в социальной политике, в общем социальном опыте преодоления кризиса и в поисках ценностного консенсуса вокруг стратегических приоритетов развития на основе общего видения прошлого как позитивного ориентира

для будущего. Но такой исход отнюдь не предрешен. Как показывают социологические исследования периода острых дискуссий вокруг Брекзита, неудовлетворенные взаимные ожидания актуализируют потребность в трезвой оценке плюсов и минусов европейского проекта вплоть до обсуждения перспектив выхода из него.

Конструирование европейской идентичности: институты и механизмы

Заметное место в повестке дня европейского строительства стали занимать в последние годы программы практических мер по конструированию европейской идентичности [18; 20]. Так, от имени Европейской сети исследования экономической и налоговой политики (European Network of Economic and Fiscal Policy Research) было предложено расширить круг потенциальных адресатов общеевропейских социальных и культурных проектов, включить в их число пенсионеров (Pensioners' Erasmus), стимулировать профессиональную мобильность за счет поддержки программ краткосрочной занятости «по обмену» между странами-членами (European Waltz) [20]. В контексте политики памяти интересным предложением является поддержка школьных исследовательских проектов, посвященных местной истории как части общеевропейской истории, и «Исторический Эразмус» для взрослых в поддержку мобильности граждан для ознакомления с историей соседей по европейскому дому и последующей публикации своих размышлений на онлайн-платформах [20, с. 54]. Эти инициативы направлены на перенесение акцента в культурной политике на локальный уровень.

Переформатирование механизмов политики памяти предполагает продвижение на разных уровнях ее реализации. Локальные начинания рассматриваются как неотъемлемая составляющая общеевропейского поля памяти. Национальный уровень до сих пор скорее выпадал из этого контекста, инициативы, продвигаемые от имени структур ЕС, чаще адресованы гражданам и местным сообществам, а в их продвижение вовлечены трансграничные сетевые институты.

Сетевая платформа EUROPEANA – пожалуй, самая заметная инициатива общеевропейского масштаба на этом направлении, была запущена под эгидой Европейской комиссии в 2008 г. Это виртуальная библиотека и архив, в которой оцифровываются и выкладываются для общего доступа документы, публикации и другие материалы по историческому и культурному наследию Европы. В том числе собираются свидетельства очевидцев, создается архив личных историй. Уже осуществлено несколько масштабных проектов по созданию общеевропейского нарратива памяти, в том числе собрана коллекция, посвященная Первой мировой войне. В нее включе-

ны оцифрованные памятные личные вещи и истории участников, литература и кинофотодокументы (всего около 400 тыс. единиц) [21]. Постоянно пополняется платформа, посвященная миграции (в настоящее время – более 220 тыс. единиц): всем желающим предлагается «поделиться своей личной историей», обеспечивается доступ на портал для ее записи и размещения оцифрованных объектов [22]. Характерно, что для формирования общего нарратива памяти выбраны темы, которые не вызывают принципиальных разногласий в трактовке, по крайней мере, со стороны тех, кто готов участвовать в проектах, будь то в силу отдаленности событий или ввиду требований политкорректности.

В непростые для европейского интеграционно-го проекта времена обрели, наконец, плоть и попытки представить в публичном пространстве общее видение европейской истории: весной 2017 г. в Брюсселе открылся Дом европейской истории (House of European History). Его миссия – рассказать историю становления объединенной Европы, которая призвана быть «не простой суммой национальных историй или заменить их, но стать резервуаром европейской памяти» и «стимулировать публичную дискуссию о европейской памяти и сознании» [23].

Переходя из зала в зал постоянной экспозиции, занимающей несколько этажей отреставрированного здания бывшей клиники 1935 г. постройки неподалеку от штаб-квартиры ЕС, трудно отделаться от впечатления, что видишь плоды «стерильного» кураторского проекта. Изменение политического видения контуров европейского пространства прослеживается в презентации идей о послевоенном политическом обустройстве Европы. Особенно явно это просматривается в экспозиции, посвященной последнему десятилетию XX в., когда крах советского проекта привел к пересмотру ментальных границ и перемещению фронта к границам постсоветских стран, а затем – к европейским границам России. В экспозиции буквально отражен звучащий из уст сегодняшних лидеров ЕС процесс «приведения географического пространства Европы в соответствие с нашими ценностями» [23]. Рубеж начала 1990-х гг. отмечен включением в пространство единой Европы стран Центральной и Восточной Европы и фактическим исчезновением России из общего нарратива памяти.

При этом нынешнее выставочное пространство имплицитно пронизывает миф о «похищении Европы», с которого начинается экспозиция. Задача преодолеть фрагментацию европейского цивилизационного пространства не решается, как имплицитно свидетельствует экспозиция, политико-институциональным регулированием и созданием общего экономического пространства. И неслучайно наиболее яркий ее акцент – это повседневность, узна-

ваемые предметы быта в период перехода от общества послевоенной скудости к обществу массового потребления. Завершающий аккорд – образные слова папы Франциска: в сегодняшней Европе складывается «картина усталости и старения, это портрет Европы – бабушки, утратившей способность производить на свет потомство и израсходовавшей свои жизненные силы...» (2014 г.). Экспозиция заставляет задуматься о будущем европейского проекта. Это будущее, как и выставочный проект, конечно, открыто не только для «дописывания», но и для «переписывания». Ясно и то, что предложить убедительный образ общего будущего пока не получается.

Тем более актуальным для «жильцов» общего европейского «дома» становится выдвижение ориентиров для формирования позитивной, нацеленной на развитие идентичности. В конструирование идентичности вовлечены европейские институты разного уровня, отвечающие за культурную и социальную составляющие общеевропейской политики. Особое место в этом контексте отведено механизмам массовой политики – от проектов создания общеевропейских партий до действующих европейских законодательных инициатив. Автору уже приходилось писать о проектах создания общих учебников истории для школьников стран Евросоюза, о результатах и причинах неудач на этом пути [24]. Очевидно, что поддержание общего пространства памяти требует продуманных и ответственных усилий и взаимодействия всех вовлеченных в реализацию политики идентичности сторон, диалога структур ЕС, уполномоченных институтов национальных государств, экспертов, университетского и преподавательского сообществ, институтов культурного наследия.

Культурное наследие и проективная идентичность

Сегодня активно идут процессы не только виртуализации, но и «алгоритмизации жизненного пространства» [25, с. 24]. Политика памяти вызывает широкий интерес и массовый отклик тогда, когда она вписывается в эти общие тренды, обеспечивая эмоциональный накал и зрелищность. Но при этом по умолчанию предполагается, что она остается в рамках политкорректности и повышенного внимания к «правильным» темам и сюжетам. А политкорректность как «идеология современной массовой демократии» – это, как отмечает известный российский социолог Л.Г. Ионин, и «политическое орудие, которое служит для контроля мнений в условиях свободы слова», и «современное воплощение принципа равенства», поскольку оно диктует обращение «с неравными как с равными, что рассматривается как одна из самых больших ценностей и достижений современности» [26, с. 90, 92].

Алгоритмизация жизненных пространств, которые организованы вокруг культурного насле-

дия, неизбежно приводит к упрощению смыслов. Но именно таким образом выстраиваются сегодня общедоступные хранилища памяти: так, в музейных пространствах история как объект рефлексии о последовательности и смыслах происходивших событий вытесняется памятью как эмоциональным представлением и переживанием эпизодов и личных историй [27, с. 7–37]. Большой нарратив либо подменяется множеством частных, они складываются в банках данных и на цифровых платформах, либо идут поиски путей интеграции в публичном пространстве малых историй в общий культурно-исторический контекст. В последние годы практически во всех европейских странах появились новые музейные площадки, посвященные социальной и политической истории XX в., которые ориентированы на подходы новой музеологии и публичной истории, на создание пространства взаимодействия вокруг общего культурного наследия и разнообразных возможностей его публичной репрезентации, в том числе путем включения личной памяти в память коллективную. Музеи социальной истории становятся площадками формирования политической идентичности [28].

В логике Мануэля Кастельса – идет целенаправленная работа по формированию проективной идентичности [29, с. 62–63; 30]. Заметное место занимают разного рода инициативы, вписанные в общеевропейскую символическую политику. В их числе ежегодные программы поддержки культурных столиц Европы, с 1985 г. (года запуска программы) в ней приняли участие 60 городов. В результате культурный ландшафт особенно заметно изменился в нестоличных городах, ставших культурными столицами Европы, реализация программы способствовала их экономическому развитию и созданию инклюзивной, открытой культурным инициативам социальной среды. Впечатляющие результаты отмечены и в тех больших промышленных центрах, где усилия были направлены на восстановление и переуплотнение социально неблагополучных районов, например, в финском Турку и британском Глазго [31].

Год европейского культурного наследия проходил в 2018 г. под лозунгом «встречи прошлого и будущего». Было разработано десять ключевых направлений для вовлечения молодежи, в том числе через школу, подготовку кадров для работы в сфере наследия, продвижение целеориентированных научных исследований, поддержку разных форм социальных инноваций и защиту находящихся в зоне риска объектов наследия [32]. Культурное наследие рассматривается как двигатель развития с большим потенциалом, который отнюдь не сводится к продвижению туристической отрасли. В нем видится ресурс развития местных сообществ. Представление в публичном пространстве общей памяти таких сообществ происходит не только на площадках музеев, библи-

отек, виртуальных архивов, но и путем брендинга территорий и развития разных сфер креативной экономики, т.е. с расчетом на прямой экономический и социальный эффект.

Особое место политики памяти определяют возможности ее (памяти) целенаправленного использования в соответствии с меняющейся политической повесткой дня. По сути, отношение к прошлому формирует новые пространства политических и культурных коммуникаций и новую повестку дня взаимодействий между государствами и гражданами.

Для нынешнего молодого поколения тоже встает сегодня вопрос о том, как пережить и как осмыслить наступившие трудные времена. В ближайшие годы память о том, как Европа сообща и ее члены по отдельности преодолевали кризис, связанный с пандемией 2020 г., будет играть самодовлеющую роль в политике идентичности. В разгар происходящего появляются оценки нынешней ситуации как кризиса европейской солидарности. Правопопулистские лидеры не скупятся на жесткие высказывания, а известные аналитики пишут о «провале идеологии европеизма» и о «смерти Европейского союза» (см., например: [33]). Прогнозировать будущее ЕС еще не пришло время, но европейской солидарности в массовом сознании нанесен ущерб, который будет трудно компенсировать в ближайшие годы в условиях явственно обозначившихся расхождений в ценностях и ценностных приоритетах, которые озвучивают сегодня и лидеры стран-участниц, и эксперты.

Разногласия в политике памяти – одно из ярких отражений состояния ценностного консенсуса сообщества государств и «семьи народов». Роль национальных государств в поисках путей укрепления социальной солидарности как важнейшего приоритета национальной политики идентичности будет в ближайшей перспективе первостепенной. Национальные, региональные и даже, вероятно, локальные варианты политики памяти могут оказаться не просто конкурирующими, но и несовместимыми. Вопрос о соотношении свободы, демократии и безопасности займет ключевое место в повестке дня европейского строительства, за ним встает жизненный вопрос о ценностях и идентичностях, мотивирующих развитие.

Трансформация парадигмы развития становится магистральным направлением, нервом практической политики. Проблемы нравственной мотивации развития, максимально широкого использования нематериальных, интеллектуальных ресурсов и внедрения управленческих практик, отвечающих социальным потребностям и адекватных рискам развития современных обществ, составляют основание ответственного развития, а ответственная неконфронтационная политика памяти, ищущая пути диалога – это один из ее значимых компонентов.

Библиографический список

1. Репина Л.П. Что такое интеллектуальная история? // Диалог со временем. 1999. № 1.
2. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и исследовательская практика. М., 2011.
3. Репина Л.П. Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. №3.
4. Шартье Р. Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка? // Новое литературное обозрение. 2004. № 2.
5. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014.
6. Erll A. The Invention of Cultural Memory: A Short History of Memory Studies // Erll A. Memory in Culture. London, 2011.
7. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005.
8. Идентичность: Личность, общество, политика / отв. ред. И.С. Семенов. М., 2017.
9. European Parliament. Fact Sheets on the European Union. Russia. URL: <https://www.europarl.europa.eu/factsheets/en/sheet/177/russia>.
10. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015.
11. Семенов И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И. Между государством и нацией: дилеммы идентичности на постсоветском пространстве // Полис. Политические исследования. 2017. № 5.
12. Бикетова Е., Чернышов Ю. Национализм Республики Беларусь и европейский компонент белорусской идентичности // Мировая экономика и международные отношения, 2018. Т. 62, № 1.
13. Herrmann R.K., Risse T., Brewer M.B. (eds.), Transnational Identities. Becoming European in the EU. Oxford, 2004.
14. Bruter M. Citizens of Europe? The Emergence of a Mass European Identity. London, 2005.
15. Petithomme M. Is There a European Identity? National Attitudes and Social Identification Toward the European Union // Journal of Migration Studies. 2008. Vol. 2. No 1.
16. Risse T. (ed.) A Community of Europeans? Transnational Identities and Public Spheres. Ithaca, 2010.
17. Luhmann S.A. Multi-Level Approach to European Identity: Does Integration Foster Identity? // Journal of Common Market Studies. 2017. Vol.55. No 6.
18. Dâmaso M., Davies L. J., Jablonowski K., Montgomery S. Acting European: Identity, Belonging and the EU of Tomorrow. Europeanness and Identity Working Group. FEPS Young Academics Network, 2019. URL: <https://www.feps-europe.eu/attachments/publications>.
19. Royuela V. Construction of a Composite Index of European Identity // Social Indicators Research: An International and Interdisciplinary Journal for Quality-of-Life Measurement. Springer, vol. 148(3).
20. Ciaglia S., Fuest C., Heinemann F. What a Feeling?! How to Promote 'European Identity' // EconPol Policy Report No. 9. 2018. October. Vol. 2. URL: https://www.econpol.eu/publications/policy_report_9.
21. Europeana 1914-1918. URL: <https://www.europeana.eu/portal/en/collections/world-war-I>.
22. Europeana. Migration. URL: <https://www.europeana.eu/portal/en/collections/migration>.
23. Questions and Answers about the House of European History. URL: https://historia-europa.ep.eu/sites/default/files/assets/qa_en_2017.pdf.
24. Семенов И. Прошлое на переднем крае политики идентичности // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 11.
25. Аксенова О.В., Халий И.А. Современное развитие. К постановке темы исследования // Вестник Института социологии. 2018. № 24.
26. Ионин Л.Г. Политкорректность и «общество меньшинств» // Социология. 2010. №3. URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/6363/1/pages_from_Sociologia_2010_№3.89-102.pdf.
27. Завадский А., Слез В., Суверина К. Политика аффекта: музей как пространство публичной истории. М., 2019.
28. Семенов И. Новые ракурсы политики идентичности: трудная память в музеях истории XX века // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 5.
29. Castells M. Globalization and Identity. A Comparative Perspective // Transfer. 2006. № 1.
30. Castells M. The Power of Identity. Malden, Oxford, 2010.
31. Dixon R. 10 Smaller European Capitals of Culture You May Not Have Heard of // The Guardian. 2020, 5.03. URL: <https://www.theguardian.com/travel/2020/mar/05/10-smaller-european-capitals-of-culture-you-may-not-have-heard-of>.
32. 2018 European Year of Cultural Heritage. Ten European Initiatives. URL: https://europa.eu/cultural-heritage/sites/eych/files/eych-initiatives_en.pdf.
33. Renaud Girard: «Pour ne pas laisser la situation s'enliser, la France doit reprendre l'initiative» // FigaroVox. 27.03.2020. URL: <https://www.lefigaro.fr/vox/monde/renaud-girard-pour-ne-pas-laisser-la-situation-s-enliser-la-france-doit-reprendre-l-initiative-20200327>.